

Экономическая цивилизация и философия хозяйствования

Ю. Осипов

Хоть и не часто, но время от времени в научном сознании происходят заметные концептуальные сдвиги, особенно, если человек мыслящий обнаруживает перед собой изменившуюся реальность или замечает вдруг, что привычные представления не работают при решении какой-то новой фундаментальной задачи. Не следует забывать, что человек мыслящий имеет возможность взростать, набираться знаний, переходить на новые уровни обзрений и размышлений. Так или иначе, но крупные перемены в научном сознании происходят.

Вот и сегодня наблюдается тенденция к таким переменам. Мир меняется, человек меняется, задачи меняются. Ученый человек переосмысливает накопленное знание, ищет новые парадигмальные решения.

Волнение не минуло и теоретическую экономию. Последняя все решительнее вступает в фукрационную фазу, вырабатывая новые подходы и решения. У привычного знания то преимущество, что оно... привычно, что оно устоялось, что оно признано, и если порой оно в чем-то и не удовлетворяет пытливого ума, то совсем не собирается покидать насижен-

ное место, признав свое если не полное поражение, то существенную недостаточность.

Не все так просто в развитии научного знания. Однако все острее ощущается некоторая устарелость и неразрешимая противоречивость имеющегося экономического знания, его оторванность от реальности и реального времени. Еще более чувствуется некоторая боязнь будущего, переживаемая экономией, ибо последнее явно не собирается считаться с накопленным наследием.

Можно, конечно, довольствоваться хорошо принятым внутри себя, уже имеющимся фундаментальным знанием, а можно пытаться что-то делать по его обновлению и созиданию новых теоретических конструкций. Мы выбираем второе: не отбрасывая ничего ценного и работающего в существующей теоретической экономии, мы стремимся к новым обобщениям и взглядам, возможно, не только дополняющим, но и переделывающим сегодняшнюю научную экономию. Одна из попыток обретения нового знания представлена ниже: речь идет о феномене экономической цивилизации и о некоторых следствиях, вытекающих из этого феномена и его научного осознания.

Исторический триумф экономической цивилизации

Экономическая цивилизация — исторический факт, который всем известен, но который мало кто знает, точнее, мало кто осознает. Вокруг нас так или иначе экономика, хотя и в разной мере осуществленная и по-разному выраженная. Экономика сейчас везде, но особенно она присутствует на так называемом Западе, а лучше сказать, в среде западной цивилизации.

Экономика — особый тип или способ реализации хозяйства. Хотя слова «хозяйство» и «экономика» употребляются часто как синонимы, при более строгом подходе они несут в себе разные смыслы,

если, конечно, попытаться эти смыслы выявить. Так вот, экономика — такое хозяйство, которое осуществляется не ради просто производства и потребления благ, удовлетворения потребностей или даже реализации жизни, а ради... денег, их производства и потребления, удовлетворения денежной потребности и реализации денежной, а лучше было бы сказать — оденуженной жизни. Конечно, это самое «ради денег» наступает не сразу, сначала экономика более выглядит хозяйством «с деньгами», «посредством денег», «с помощью денег» и т. д., но рано или поздно экономика приходит к своей кульминации — хозяйство осуществляется именно ради

денег, а потом уже ради всего остального — денежного.

Деньги — это непосредственно выраженная стоимость, хотя стоимость присутствует и в неденежных хозяйственных факторах и благах, если последние получают опять же денежную оценку, т. е. обретают цену.

И пока мы не уясним себе феноменов экономии, экономизма, экономики и экономической цивилизации, мы ничего не поймем в том, что происходит в человеческом хозяйственном мире, в каком мире живет человечество и какое человечество нас окружает.

Экономика — насколько денежное, настолько и стоимостное хозяйство, если под стоимостью понимать некую сущность денег, их субстанцию. Экономика — денежное хозяйство, деньгономика, или же, более сущностно, — стоимостное хозяйство, стоимономика. Главное сейчас не в определениях экономики, а в ее понимании, в том, чтобы, во-первых, видеть особенность экономики как хозяйства, во-вторых, представлять себе характер данной особенности, т. е. видеть качество экономики, ее сущность, понимать, что экономика — это экономика, а не, скажем, натуральное хозяйство, которому ничто обменно-оценочное, товарное, денежное, капитальное, т. е. ничто стоимостное, не свойственно.

Экономика — особый исторический способ хозяйства. Он возник давно в недрах натурального хозяйства, на протяжении долгого исторического времени обслуживал натуральное хозяйство. Но в один прекрасный момент он победил натуральное хозяйство, подчинил его себе, занял приоритетное положение, создал возможность своего полного развития. Это произошло в Западной Европе в виде глубокого и масштабного социо-культуро-хозяйственного переворота — экономической революции, которую мы вполне можем именовать Великой Экономической революцией. В итоге данной революции возникла целостная экономическая цивилизация, в основании которой лежит феномен экономизма, распространенный, надо особо отметить, не на одно лишь хозяйственное хозяйство, т. е. на сферу производства и потребления благ, но и на все нехозяйственное хозяйство, на всю социо-политическую жизнь. Экономика по большому счету — шире собственно хозяйства, это не один лишь способ хозяйства, а еще и способ жизни вообще.

Экономизм — жизнь ради денег (стоимости) и по-денежному (по-стоимостному), точнее, сначала ра-

ди денег и по-денежному, а потом уже и ради другого и по-другому. Деньги (стоимость) в начале и в конце, как, собственно, и в середине, — они одновременно и причина, и следствие, как, разумеется, и всеобщая материя, за которой и всеобщая идея, и всеобщий дух. Без денег (стоимости) ничего нет и не может быть. Они не только и не столько посредствуют, сколько всеобщие «началуют» и всеобщие «целесолагают».

Экономизм — это экономический расчет, но расчет не просто денежный, с деньгами, посредством денег и в деньгах, а расчет денежного смысла, ими предпринимаемый и ими ведомый, ими предначертанный. Деньги здесь — не милый и безобидный посредник, а суровый и властный руководитель. Феномен экономизма непосредственно сопряжен с феноменом экономического (денежного, стоимостного) фетишизма, а фетишизм — это вовсе не одно лишь преклонение перед экономией, а реализация жизни на принципах экономии, ей — этой экономии — подчинение, ее — этой экономии — руководство.

И пока мы не уясним себе феноменов экономии, экономизма, экономики и экономической цивилизации, мы ничего не поймем в том, что происходит в человеческом хозяйственном мире, в каком мире живет человечество и какое человечество нас окружает. Мы не поймем, что есть человек вообще и что есть человек хозяйствующий, как и не поймем, что есть человек экономический.

Мы являемся свидетелями именно триумфа экономической цивилизации, ее знаменательной победы над человечеством, природой и неприродой, над жизнью и культурой, над разумом и духом, все еще бытующем в человеке и его мире.

В развитом виде экономика не реализуется вне цивилизационного устройства, если под цивилизацией понимать город, государство, правовой порядок, а также соответствующие этому порядку свободы и ограничения, ответственности и наказания. Экономика — это цивилизационный порядок, это цивилизационная организация, это цивилизация. Попробуем представить себе экономику без государства, без полиции, без надзора, без суда, без возмездия. Нравится это кому-нибудь или не нравится, но экономики нет и не может быть без контроля и насилия, без законов и подзаконных актов, без организующих и руководящих институтов, без господствующего над экономикой властного центра, без обустроивающих экономику границ. Нет экономи-

ки без политики, как нет ее, скажем, без собственности, без присвоения, без эксплуатации. Экономика — это цивилизация во всем ее качественном многообразии.

Можно, конечно, считать, что экономику породил протестантизм, но это не совсем так, если не сказать — совсем не так. Нет, не протестантизм породил экономику, а экономика породила протестантизм, как породила она и свою экономическую науку. В данном случае приоритет экономического над идеологическим очевиден.

Факт исторического триумфа экономической цивилизации очевиден и не нуждается в доказательствах. В настоящее время мы имеем не только очень продвинутую экономику, ее высокое для себя каче-

ство, но и решительную планетизацию экономики, как и, соответственно, экономизацию планеты и, по крайней мере, околоземного пространства. Сфера экономики неуклонно расширяется, а мир экономики столь же неуклонно усложняется. Экономическая цивилизация поглощает планету и ближайший к ней космос, не говоря уже о человеке и природе, с планетой связанных. Мы являемся свидетелями именно триумфа экономической цивилизации, ее знаменательной победы над человечеством, природой и неприродой, над жизнью и культурой, над разумом и духом, все еще бытующем в человеке и его мире. Игнорировать факт исторического триумфа экономизма и экономической цивилизации — не понимать самой сути современного бытия человека.

Научная экономия как идеологическое сопровождение экономической цивилизации

Научная экономия — не вся экономическая наука, ибо в последней есть много такого, что более относится к технологическому, чем к собственно научному знанию, а потому может быть более отнесено к практике экономической жизни, чем к ее научному осмыслению. Научная экономия — фундаментальная часть экономической науки, призванная обобщенно описать экономический мир, его осмыслить, объяснить и смоделировать, оправдать и идеологизировать, критически оценить, уловить перспективу развития, обосновать усовершенствование и преобразование.

Научная экономия есть вполне реальное идеологическое сопровождение экономической цивилизации, которое не может быть ни собственно религиозным, ибо экономический мир достаточно десакрализован, ни собственно философским, ибо экономический мир достаточно практичен. Религиозно-философское обеспечение научной экономики призвано более поддержать научность, чем ее отрицать, т. е. служить для научности необходимым сакрально-размыслительным подспорьем, а не источником оппозиционного значения.

Знание об экономике в ядре своем — научное знание, хотя ему и довелось исторически выйти из философии и соприкоснуться с религией. Научная экономия, как и любое научное знание, возникла более на отрицании религии и философии, чем на их подтверждении. В науке ведь много и от магии. У экономической цивилизации нет и не может быть иной идеологии, кроме научной, ибо именно научная идеология обладает необходимой для идеализации экономики потенцией к определенности, практицизму и прогрессу.

Экономика вообще тяготеет к науке — к науке вообще, ибо наука вообще близка к технике и технологии, к тому, к чему близка и экономика. Экономика взывает к технике и науке, вызывая их к жизни, а техника и наука обращаются к экономике, органично ее воспринимая. Наука сама стремится к научному отображению экономики, а экономика относится к этому вполне благосклонно.

Научная экономия вышла из философии, а в чем-то и из религиозного знания. Но, как и вся наука, она в конце концов презрела свои родительские источники и, отвергнув связь с ними, стала вполне чистой наукой. Окончательный разрыв научной экономики с философией и религией наступил к середине XX века, когда практицизм и математика совсем одолели теоретическую экономию, превратив ее в образ прямо-таки точной науки.

Разумеется, научная экономия всегда была «научной наукой», но она не сразу, естественно, стала в основе своей именно «научной наукой». Сциентизация экономического знания шла постепенно. И пока теоретическая экономия оставалась политической экономией в ее классическом образе, т. е. наукой середины XIX века, она оставалась в некоторой заметной мере еще философической, т. е. находящейся в родстве с философией. С того же времени, как теоретическая экономия не могла и перестала называться политической экономией, она стала уже собственно «научной наукой». Тогда и появились новые названия для теоретической экономики, среди которых абсолютное первенство завоевало мало что говорящее слово «экономика» (от англ. *economics*, т. е. то ли просто экономика, то ли экономики во множественном числе, то ли об экономике или по поводу экономики, то ли

собственно экономическое знание, но тогда какое?). Надо заметить, что и бывшее название (политическая экономия) тоже не лучше, ибо никто, в конечном итоге, не знает однозначно, что же скрывается за этим словом «политическое» — то ли политика, то ли государство, то ли город, то ли общество, то ли социум, то ли классовость, то ли революционность... одно ясно, что политическая экономия была все-таки более мировоззренческой, объяснительной, социальной наукой, чем экономике, которая явно тяготеет к функциональности, конструкционизму, технологичности, т. е. является более служебным, чем обозренческим, знанием.

Выиграла ли теоретическая экономия от своего отрыва от философии и религии, от того, что стала наконец-то «точной» наукой? Простейший ответ, на который согласятся многие: и да, и нет. Оформившись в собственно науку, теоретическая экономия обрела некую смысловую целостность, породив и претензию на соответствие предмету, которым она занималась. Будучи политической экономией, теоретическая экономия дала такое представление о предмете, после которого он, с одной стороны, был полностью оправдан, а с другой — не менее полно разоблачен, что не преминуло выразиться, с одной стороны, в «крутой» борьбе труда с капиталом. Став Экономиксом, стершим практически полностью социально-моральную составляющую, бытовавшую в политической экономии, теоретическая экономия создала сладкий математизированный миф об оптимизационном поиске максимального производительного эффекта при ограниченных производительных ресурсах, сориентированном на учет неуклонно возрастающих потребностей населения, т. е. создала такую картину предмета, при которой думать стало нужно и можно только о рационализации каждодневных управленческих и самоуправленческих действий — потребителей, производителей и любых других агентов, принимающих экономические решения. Выигрыш, как в случае с политической экономией, так и в случае с Экономиксом, что называется, налицо: имеется некое специализированное знание о предмете, играющее не только воззренческую, но и служебную роль. В первом случае, правда, наука рассказывала об экономическом устройстве общества, во втором — о технологии экономического процесса, его субъективной и факториальной организации. Но что важно: и в том, и в другом случае наука оказалась, как и подобает настоящему научному знанию, ограниченной, а потому лишь частично соответствующей предмету, в значительной же мере ему не соответствующей, довольно похожей на предмет, но достаточно от него отличной, в чем-то предмет явно отражающей, а в чем-то и далекой от предмета, т. е. в меру реалистической и в меру же мифической.

Самоограниченность новейшей теоретической экономии довольно-таки ясна. Во-первых, это знание разделенное. Сегодня нет и не может быть при сугубо научном (сциентистском) подходе единой теоретической экономии. Любое разъединение обречено на скорое ограничение, запутывание в противоречиях и гибель. Во-вторых, это знание, которое явно отдает предпочтение поверхности и поверхностным взаимосвязям, искусственно отгораживая себя от неповерхностной сферы бытия, а потому и многих смыслов, без которых нет сколь-нибудь полного и цельного познания (цельность экономического построения — цельность поверхностная, а отсюда — плоская, фрагментарная, условная, ограниченная, виртуальная, часто не слишком реалистичная и слишком отрицательно мифическая). В-третьих, это знание явно технологизированное, а предмет изучения — экономика — явно не технологичен, он социален, гуманитарен, трансцендентен. В-четвертых, это знание слишком математизированное и не в частностях, когда действительно требуется математика, а в общем, когда математика никак не требуется (отсюда наличие математизированной аксиоматики, обслуживающей не частные задачи, а само общее познание предмета, предстающего в итоге математического постулирования отличным от реального). Короче, отрыв современной научной экономии — Экономикса — от реальности очевиден, что не является лучшим подтверждением ее самоограниченности.

Выиграла ли теоретическая экономия от своего отрыва от философии и религии, от того, что стала наконец-то «точной» наукой?

Что касается «старой» политической экономии, то ее самоограниченность выражалась не так просто, ибо она оказалась не столь очевидно оторванной от реальности. Классическая политэкономия Смита, Рикардо, Маркса не пыталась заменить реальную реальность виртуальной реальностью, как это делает современный экономик в его глобально математизированной интерпретации. Классическая политэкономия стремилась объяснить экономический мир, конечно, преимущественно по-научному, как и дать рекомендации по изменению этого мира, его улучшению, но пока еще при допущении самотворчества социума, не полного конструирования для социума новой реальности, как на то замахивается уже современная наука. Отсюда в политэкономии много верного, тем более что она не слишком еще оторвалась от философии и религии, т. е. была способна к более реалистическому отношению к реальности, чем современное, совсем уж онаученное знание. Но баццлла научности (сциентизма) таки одолела и политэкономия, ибо пос-

ледняя, порвав с идеализмом и впад в материализм (что куда как ближе к науке), попыталась найти глубоко материалистическое объяснение реальности и дать соответствующие рекомендации по ее совершенствованию.

Не будем подробно останавливаться на противоречиях политэкономии, которые она создала и которые не смогла разрешить. Отметим лишь, наряду с другими, противоречие между теорией хозяйственного развития, предлагаемой политэкономией, и реальным историческим развитием человечества. Ни апологетика капитала, ни апологетика труда не дали, не дают и не могут дать реалистического представления об историческом пути хозяйствующего человечества, как и о его возможном хозяйственном будущем. Реальной жизни противоречат как представления о вечном и непреходящем бытии экономики и капитала, так и представления о скором исчезновении того и другого под ударами трудовой (пролетарской, социалистической, коммунистической) революции. На самом деле происходит нечто иное: и экономика-капитализм не спе-

шит что-то сойти с исторической сцены, и социализм-коммунизм не заступает реально на смену экономике-капитализму, несмотря на вполне реальные революционные попытки такого «заступа»; в то же время очень многое в реальном бытии человечества говорит о надвигающейся эре пост-экономики, в образе которой (этой пост-экономики) может оказаться отнюдь не долгожданный социализм со своим проектом свободного труда, а что-то совсем другое.

Здесь уместно заметить, что критика научной экономики совсем не означает какого-то ее тотального отрицания и неприятия. Нет, этого не предполагается и быть просто не может. Речь идет о критике лишь того, что такой критике заслуживает, что в такой критике нуждается, что подлежит проверке, пересмотру и преодолению. Ведь в научной экономике, как и в любой отрасли научного знания, есть то, что вполне принимается практикой и самим познавательным процессом, что является пусть, возможно, и не вечным, но несомненно убедительным ценным достоянием.

Философия хозяйства

Ограниченность научной экономики идет, прежде всего, от ограниченности науки вообще. И поскольку ограниченность науки вообще восходит к отделению (пусть и не полному, но достаточно определенному) научного знания от иных знаний, прежде всего от философского и религиозного, то логично поставить вопрос о возможности возвращения науки хотя бы к собственно философии, а в некоторой мере и к религии, равным образом и о возможности восприятия научной экономией неэкономических знаний, т. е. к свободной интеграции всех знаний, позволяющей науке выйти из созданного ею же научного тупика.

Нам не безразлично вовсе, с каким воззрением на мир и на человека действует тот или иной ученый и специалист, тот или иной управляющий, тот или иной политик.

Во-первых, каждому современному человеку, принимающему более или менее судьбоносные решения, не говоря уже об ученых и конструкторах, политиках и деятелях культуры, совсем не вредно иметь какое-то обобщающее представление о мире, в котором он живет и принимает судьбоносные решения, видеть хотя бы немного дальше своего специализированного и функционального носа. Во-вторых, разве может кто-либо всерьез заявить, что у него нет никакой жизненной философии, т. е. какого-то обобщенного, пусть не совсем осознанного системно, понимания себя и мира, в котором

приходится жить и действовать, разве у каждого, даже последнего бомжа, нет своего мировоззрения? Выходит, что и мировоззрение каждому нужно, и какое-то мировоззрение у каждого есть. При этом складываться такое мировоззрение может само собой, в ходе текущего жизнеотправления, а может формироваться под влиянием того или иного философского и религиозного знания.

Нам не безразлично вовсе, с каким воззрением на мир и на человека действует тот или иной ученый и специалист, тот или иной управляющий, тот или иной политик. Нам совсем не безразлична его смысловая и ценностная начинка, его культура, его общечеловеческая, а не специализированная ориентация. И дело состоит вовсе не в том, чтобы взять каждого под контроль и вселить в него какое-то определенное мировоззрение, хотя это, к сожалению, делается постоянно и всюду, а в том, чтобы позволить человеку, в особенности получающему высокое образование и занимающемуся высокими делами, окунуться в воззренческое, философское знание, пропитаться им, найти ценное для себя, стать человеком философическим, что не значит — философствующим, и действовать в реальной жизни не просто так, а будучи обогащенным обобщающим воззренческим знанием.

Но этого мало. Философический человек должен ясно понимать, что его мировоззрение плавно и незаметно перетекает в его практическую деятельность, что его философия не остается вне каждодневного практицизма, что философия всегда в

действии. Человек совершает... деяния, а деяния... зависят (при условии свободы действий) от философии.

Все здесь не просто. Философия вырабатывает понятия, а понятия управляют миром (человеческим миром). Так лучше, если это будет здоровая, светлая, мужественная философия, а не какая-нибудь ей противная.

И это не все. Человек философический должен ясно сознавать, что решение нестандартных жизненно важных проблем, как и выход из разных, в том числе и научно-познавательных, и тех же философических, тупиков, он может находить именно на путях философии, философических размышлений.

Вернемся к проблеме научной экономии. Разумеется, не все ученые-экономисты видят необходимость обращения научной экономии к философии, которая кажется большинству мало полезным, ненаучным знанием, являющимся по преимуществу достоянием истории. К философии сегодня обращаются... единицы. Что верно, то верно. Как верно и то, что экономисты-философы, а лучше сказать, философы, обращенные к экономическому объекту, вряд ли смогут развернуть экономический ученый фронт к философии — тут ничего особенного не поделаешь: как не читают Булгакова, так и не читают, а если и читают, то не очень-то жалуют, и не потому что в принципе понять не могут, а потому что такого понимания... просто не желают. Что ж, каждому свое, тут уж выбор свободный (сегодня Булгакова читать официально не запрещают).

И однако зададимся вопросом: есть ли важное смысловое различие в таких аксиоматических определениях предмета научной экономии, как «производство благ», «максимизация потребительского эффекта», «оптимальный технологический выбор», «социальные отношения в связи с производством, распределением и потреблением благ (доходов)» и, скажем, «жизнедеятельность человека»? Наверное, есть. Первое, что бросается в глаза, — последнее определение гораздо шире и содержательнее всех предшествующих. Правда, оно и менее, на тот же первый взгляд, определено, ибо касается сразу очень многого — всей жизни человека, всей его деятельности. Но не будем спешить, попробуем разобраться, какое из определений — узкое или широкое — нам все-таки предпочесть.

Оговоримся сразу, что мы не против ни одного из предшествовавших определений, характерных для научной экономии, но мы считаем, что все они касаются лишь отдельных сторон хозяйственной жизни человека и не подходят к этой жизни как к целостному феномену. Мы выступаем за то, чтобы

отнестись к хозяйственной жизни исходно и в основании целостно и как к целому, а затем уже рассматривать ее отдельные стороны и части. Соответственно нам нужно будет ввести и особую аксиоматику и придумать особую парадигму, вся особенность которых будет состоять в опоре на большие, если так можно выразиться, смыслы, т. е. сравнительно с предшествующими определениями мы попадем в область мета-смыслов.

Так мы становимся на позицию философии хозяйства. Это позволяет нам не только преодолеть узость и ограниченность научной экономии, но и хорошенько ее проверить расширенным реальным и размыслительным масштабом.

Нет, мы не стоим за отмену научной экономии, в чем нет никакой необходимости, но мы стоим за творческое преодоление научной экономии, позволяющее выйти за ее узкие рамки, обогатить наши познания о хозяйственной жизни и о хозяйстве вообще, вывести научную экономию из тупика, в котором она, на наш взгляд, находится, разрешить ее противоречия, которые в рамках и на основе одной лишь научной экономии разрешения не имеют. Такое преодоление научной экономии влечет за собой и положительное обновление самой научной экономии.

Мы выступаем за то, чтобы отнестись к хозяйственной жизни исходно и в основании целостно и как к целому, а затем уже рассматривать ее отдельные стороны и части. Так мы становимся на позицию философии хозяйства.

За словом эсхатология стоит завершение, хотя такое — эсхатологическое — завершение не обязательно означает полную смерть. Последней может и не быть, но какое-то существенное преобразование, сопряженное с качественным ослаблением, должно непременно произойти. Данное преобразование будет свидетельствовать хоть и не о полном исчезновении феномена, но о таком его заметном угасании, которое позволяет говорить об уходе феномена с главной исторической арены.

И если мы позволяем себе заговорить об эсхатологии экономической цивилизации, то разумеется под этим не полное исчезновение экономики и экономического начала, а достаточно заметное отступление экономики цивилизации перед иными — уже неэкономическими — способами организации хозяйственной жизни, но отступление, конечно, более преобразовательного, чем какого-либо иного, характера.

Любому непредвзятому наблюдателю бросаются в глаза прежде всего исторические несоответствия, возникшие между экономической цивилизацией и внешней для нее средой, в особенности такое ярко выраженное несоответствие, как экологическое, которое можно трактовать достаточно широко — и в собственно природно-неприродном аспекте, и в социо-организменном аспекте, и в гуманитарно-культурном аспекте, не говоря уже о духовно-нравственном.

Конфликт экономической цивилизации со средой достаточно очевиден.

Что касается классического экологического аспекта, т. е. природно-неприродного, то он в целом достаточно на сегодня осознан и изучен, и нам мало что нужно здесь говорить. Главное, на что хотелось бы обратить внимание, — это не сама по себе экологическая проблема, которая уже достаточно определена, а глубокий конфликт, который имеет место между экономикой и экологикой, если под последней понимать экологическое бытие, к нему стремление, жизнь и деятельность согласно экологическому критерию. Суть конфликта выражена не столько в том, что экономика породила экологическую проблему (с угрозой полной экологической катастрофы), хотя это и очень важно, а в том, что экономика, а лучше сказать, экономическая цивилизация не в состоянии, по-видимому, разрешить данную проблему, т. е. функциональный конфликт оказывается также и конфликтом смысловым, что означает, что смысл экономики не совместим со смыслом экологии, а проекты эколого-экономики оказываются по сути утопическими. Экономика не дает человечеству возможность решить экологическую проблему, ибо производство стоимости стоимостью не может по своей природе считаться с потребностями природы, наоборот, такое производство является по своей сути, цели и результатам фундаментально антиприродным. Экономическая цивилизация поглощает, перерабатывая, любую внешнюю среду, и уж тем более природную, создавая везде и всюду среду неприродную, искусственную, причем сравнимую по своим масштабам и даже по сложности с природной средой. Экономика вытесняет природу, заменяя последнюю неприродой. Заодно и вытесняется природная жизнь. Экономика, удовлетворяя так называемые растущие человеческие потребности, а на самом деле растущие свои, т. е. экономической цивилизации, потребности, заменяет природную жизнь на жизнь неприродную, а соответственно и саму жизнь заменяет нежизнью, готова ее к полной смерти. И не надо надеяться на то, что экономическая цивилизация способна решить глобальную экологическую проблему, лишь направив на экологию необходимые

инвестиции. Как же это может случиться, если инвестиции должны быть выгодными для экономики, что их реализация сопряжена с новыми неприродными достижениями, что сама логика экономического хозяйствования далека от логики хозяйствования экологического? Все здесь обстоит как раз наоборот — экологическое хозяйствование не может быть экономическим, оно должно быть не-экономическим. Экологика отрицает экономику, возбуждая тем самым мощный эсхатологический мотив в историческом существовании экономической цивилизации.

Жизнь не сводится полностью к экономике, и экономизация среды не является и не может являться полной. Полная экономизация — полная катастрофа. Последняя пока не наступила, а потому и в среде жизни остается многое из неэкономического, что экономизировано, но не полностью, что еще способно противостоять экономическому, что способно ему противоречить и сопротивляться. Такое сопротивление — человека вообще (не только как физического организма), социума, этноструктуры, культуры, психики, духа, наконец, неэкономических цивилизационных начал и т. д. — свидетельство еще-жизни, как и сигнал надвигающейся катастрофы, равным образом — при благоприятном стечении обстоятельств — и залог спасения, возможно, уже после катастрофы.

Конфликт экономической цивилизации со средой достаточно очевиден. Сегодня вряд ли найдется его отрицающий, хотя вряд ли найдется много людей, видящих неразрешимость противоречия между экономикой и средой на путях неослабевающей экономизации жизни. Менее очевиден внутренний конфликт в среде самой экономической цивилизации, сводящийся к конфликту собственно экономической организации хозяйственной жизни и той организации, которая оказалась порожденной экономикой и ей необходимой, но которая стала в одно прекрасное время и ей противостоящей.

Экономическая организация породила технологическую информационно-менеджеральную организацию (ТИМ-организацию), в которой она нуждается и с которой взаимодействует. ТИМ-организация, достигая определенной степени развития, т. е. заменяя все более собою экономические субъекты и экономическое общество или, что то же самое, рынок, способна начать принимать решения уже полностью за экономику, т. е. за общество, за объективность, за трансцендентность, превращая субъектов и общество в элементы глобальной ТИМ-организации. Пока ТИМ-организация как бы обслуживает рынок, но никто не может игнорировать возможность замещения рынка ТИМ-организацией, разумеется, более высокого уровня, чем это имеет место сегодня.

Итак, мы не можем пройти мимо факта вытеснения ТИМ-организацией той организации, которую называем экономической. Экономика пользуется ТИМ-организацией, но в главном к ней не сводится. Пока не сводится. Но свестись-таки может, закончив свое историческое существование, т. е. утратив такие начала, как социальность, объективность, трансцендентность, перестав быть во всех этих смыслах самоорганизацией. На ее место может прийти ТИМ-организация, которая уже не будет обладать такими качествами, как социальность, объективность, трансцендентность, и окажется уже не самоорганизацией, а просто организацией, хотя и со своим внутренним техно-само-организационным моментом (как в ЭВМ). Вполне может наступить время, когда ни один агент не сможет действовать вне пределов ТИМ-организации. Когда ему ничего другого не останется, как «добровольно» войти в ее состав, подчинившись уже не стоимостной, а технической организации.

Экономическая организация породила технолого-информационно-менеджеральную организацию в которой она нуждается и с которой взаимодействует.

А что касается цен, денег, капиталов и т. п., то внешние экономические формы, может, и останутся, но это уже будут не феномены собственно экономического хозяйства, ибо природа их будет иная — технолого-информационная. Стоимость уступит свое место техническому расчету и соответствующему управлению. В пространстве экономики воцарится техномика, хотя это и кажется сегодня маловероятным. Любопытно, что «*techné*» (с греч.) есть хитрость, коварство.

И чтобы убедиться в том, что эта тенденция не такая уж маловероятная, укажем на несколько обстоятельств.

Во-первых, на нарастающую стремительно глобальную ограниченность всех планетарных ресурсов, а соответственно — прогрессирующее сужение биосферы как решающего пространства жизни. Можно, конечно, надеяться на космогенное решение данной проблемы, но какой, собственно, в таком решении смысл, если даже и его можно представить практически возможным. Новое расширение жизненного пространства с новым же его сужением. Так или иначе, но человечество стоит на пороге глобальной субъективной рационализации жизни и хозяйства, той рационализации, которую уже не может дать экономика.

Во-вторых, мы укажем на рост народонаселения на планете Земля, на его высвобождающееся стремление к потреблению, причем все более ненужному, фиктивному. Народонаселение становится излишним на планете. И дело здесь не в том, что нельзя прокормить такое по размеру народонаселение, хотя и это немаловажно, а в том, что планета не сможет выдержать на себе такое по качеству народонаселение. Отсюда императивность неэкономической рационализации еще более усиливается.

В-третьих, мы укажем на нарастающее по экспоненте развитие так называемых новых информационных технологий с невиданной ранее разрешающей способностью. Такие технологии способны взять на учет не то что каждого человека, но и каждую клетку его организма. Активно развиваются разного рода техно-информационно-инженерные управленческие знания и приемы, позволяющие глобально управлять био-, социо-, психо- и т. д. процессами. От таких словосочетаний, как «генная инженерия» или «социальная инженерия», не то что дух захватывает, а нервная дрожь пробирает. Необходимость рационализации хозяйственной жизни дополняется бурным развитием технологий для такой рационализации.

В-четвертых, мы укажем также на активное формирование нового человека, вполне техно-информационного порядка, достаточно роботоподобного, способного не просто воспринять новую рациональную цивилизацию, но и вполне бездумно в нее войти, стать ее принадлежностью.

В-пятых, мы укажем, наконец, и на общую десакрализацию жизни и культуры, на так называемую бездуховность, что несомненно способствует дегуманизации и десоциализации человека и превращению его и общества в нечто техноподобное.

С какой бы стороны мы ни подходили к проблеме исторической судьбы экономики, мы видим либо прямые шаги по ее перерастанию в постэкономику, либо достаточно явное развитие условий, способствующих такому перерастанию. И размышления наши по поводу эсхатологии экономики совсем уж досужими не назовешь. Что-то действительно великое и судьбоносное происходит в хозяйственном мире.

Вслед за феноменом эсхатологии экономической цивилизации возникает и проблема эсхатологии научной экономии. И это понятно: коли экономика идет к завершению, то и научная экономия должна идти к завершению. Но не все здесь так просто. Экономика не просто отражена в научной экономии, но она ее и оправдала, а в известной мере и создала. Научная экономия — апология экономики. Это знают и сознают все. Менее осознано другое:

научная экономия, все более превращаясь в ответ на требования реальной хозяйственной практики в количественно-счетную, механистическую, математизированную и технолого-информационную

науку, т. е. становясь все менее экономической наукой, прилагает немалые усилия для реализации эсхатологической тенденции в недрах самой реальной экономики.

Историческая драма НОМО ОЕCONOMICUS, НОМО SCIENS и НОМО TECHNOLOGICUS

Драма — не трагедия, тем более не конец. Это, скорее, коллизия, но достаточно острая, чтобы в один прекрасный момент стать трагедией и привести к концу. За драмой два возможных исхода: позитивный и негативный. Первый открывает новый этап жизни, как правило, преобразованный, второй «тянет» к ухудшению болезни и к смерти. Констатация драмы — констатация проблемы, но еще не исходов из этой проблемы.

Полстолетия назад в Европе (точнее, в Западной Европе) победил человек экономический — homo oeconomicus, а рядом с ним и человек научный — homo sciens. И тот и другой реализовался еще и как человек технологический — homo technologicus. Вместе с таким человеком возникла и соответствующая цивилизация — экономическая, научная, технологическая. Сегодня эта цивилизация царствует на Земле, преобразуя ее и готова к какому-то новому бытию, что не исключает и возможности конца.

Ничего не скажешь, хорошо быть человеком экономическим, научным, технологическим, т. е. человеком-творцом, свободным от каких бы то ни было ограничений, кроме материальных, к тому же непременно пока преодолеваемых. Человек этот созидает свой мир, ориентируясь лишь на свои потребности, которые тоже он же и созидает, причем даже не в актах откровения, а попросту выдумывая. Ум человеческий направлен исключительно на созидание потребностей, которые давно уже перешли границу естественных потребностей, став потребностями неестественными, искусственными, а во многом и противоестественными. Человек этот созидает свой, т. е. неестественный и противоестественный, мир. И ничто, по сути, такого человека не сдерживает.

А раз не сдерживает, то одержать такого человека творящего может не что иное, как продукт его творения — им же созданный искусственный мир, который либо достигнет-таки пределов расширения и развития, своего качественного усовершенствования, либо станет невыполнимым для окружающего его первомира, повиснув всей своей искусственной громадой над бездной небытия, либо сделает жизнь совсем уж нечеловеческой, а потому и практически невыносимой, либо просто исчерпает возможности одушевленного бытия. Так или иначе, но такой мир обязательно встретит препятствие себе в лице самого себя, а потому будет вынужден либо отступить перед первомиром, т. е. перед естеством,

либо с большим — и очень большим — грохотом погибнуть.

Разумеется, у всего существующего всегда как будто бы есть возможность качественно-изменческого маневра, обеспечивающего выживание. Есть ли такая возможность у нашего искусственного (экономико-научно-технологического) мира? Наверное, есть, но, наверное, и нет. Есть, поскольку еще не поздно, надо полагать, повернуть в сторону от смыслов, заложенных в основу этого мира, и нет, поскольку повернуть-то вряд ли удастся, ибо очень уж приятно создавать потребности и их непременно удовлетворять, возвышаясь над презренным первомиром, над дикостью и традицией. Смириться очень и очень надо, а какое может быть смирение у гордого от своих потребностей и возможностей их удовлетворения homo oeconomicus, sciens и technologicus? Действительно, какое?

Не смешно ли вообще говорить нынче о смирении, когда вокруг столько возможностей, когда жизнь человеческая на Земле, только, по сути, начинается, когда вот-вот все болезни исчезнут и бессмертие настанет, когда человека можно создавать по усмотрению, когда предыстория наконец-то сменяется истинной историей, когда... В самом деле, не смешно ли?

Смешно. Смешно говорить об эсхатологии экономическо-научно-технологической цивилизации, когда вокруг столько ее побед и столько уверенности в необходимости жить именно по-экономически, по-научному, по-технологически. В том-то и дело, что мы не преследуем цели что-то изменить, ибо мы знаем достаточно, что ничего изменить уже нельзя, что после измены ничего не меняется, что человеку изменившему придется пройти свой путь до конца, что изменить ситуацию на Земле сможет только катастрофа — а вот будет ли она при этом спасительной, кто знает?

Все было бы прекрасно у homo oeconomicus, если бы не эти зловещие признаки, свидетельствующие не о катастрофе, нет, не о событии, а о его... возможности, о приближении катастрофы, о катастрофном уже бытии человеческом, о нависшей над историей угрозе.

Что это за признаки? Нет, мы не будем повторять уже набившие оскомину экологические и им подоб-

ные доводы, ибо тут уже нечего прибавить. Как ни важна экология, но не к ней здесь хотелось бы обратиться. Мы желаем узреть иные признаки и увидеть их при этом очень хочется в самом homo oeconomicus, sciens, technologicus. Такова уж наша потребность (кому иномарку надо непременно, а кому вот в человека, ею пользующегося, важно заглянуть).

Мы не говорим о трагедии homo oeconomicus, sciens и technologicus, мы говорим о его драме, ибо в глубине души все еще надеемся на глобальный поворот — в сторону от смыслов Экономической Цивилизации.

Ну что, читатель, заглянули? И что узрели?.. Страшно сказать. И нам страшно. Пустота. Это тебе не экология. Что о ней скажешь? Вот почему мы не о человеке вообще толкуем, а именно о человеке экономическом. Именно этот человек не только перестал бороться с этой трансценденцией, а освятил ее, возведя в ранг абсолюта. А в итоге мы имеем то, что имеем — от чего страшно становится.

Нет, мы не говорим о трагедии homo oeconomicus, sciens и technologicus, мы говорим о его драме, ибо в глубине души все еще надеемся на глобальный поворот — в сторону от смыслов Экономической Цивилизации. Да, трагедии, может, и нет, может, нет и драмы, разве лишь признаки — пусть так, но что-то очень неблагоприятное и сильно несообразное с homo sapiens все-таки есть, и это «есть» заставляет нас быть не слишком оптимистическими. Homo oeconomicus (он же sciens и technologicus) отрицает-таки homo sapiens, и в отрицании этом, выливающимся в опустошении человека, его обездуховлении, заложена суть исторической драмы, переживаемой все-еще-человеком. Экономико-научно-технологическая свобода обернулась выветриванием из человека человеческого, т. е. того, что связывало человека с Богом. Отсюда драма человека, но отсюда... и комедия, комедия, рожденная экономической цивилизацией. Игра в потребности оборачивается игрой в жизнь, а игра в жизнь — игрой с жизнью. Драма — не самое страшное, возможно, и вообще не страшное. Даже трагедия не так страшна, воистину страшна комедия. А не в комедию ли превращена современная экономико-научно-технологическая жизнь? Есть ли в такой жизни некомедийные смыслы? А это уже вопрос...

ЭС